

Сергей Борисович Кан

Французский банк и подготовка событий 18 марта 1871 г.

Историк-марксист. 1933, № 4. С.91-105

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2012

I

Торжественное открытие в Бордо заседания Национального собрания состоялось в момент, когда ужасающее, катастрофическое состояние разоренной войной и разгромленной пруссаками буржуазной Франции ни для кого уже не могло оставаться тайной.

Съезжавшиеся со всех концов страны только что избранные в Национальное собрание депутаты — в огромном своем большинстве представители господствующих классов — везли с собою в Бордо самые угрожающие сведения об экономическом состоянии отдельных департаментов, о полнейшем развале недавно еще цветущих торговли и промышленности Франции, о кризисе сельского хозяйства и тяжелых затруднениях в области сухопутного и водного транспорта, а также в области финансов.

Восемь специальным комиссиям, немедленно выделенным Национальным собранием, по предложению Бартелеми, для составления докладных записок о положении отдельных отраслей народного хозяйства Франции, оставалось только подытожить эти впечатления, для того чтобы дать возможность реакционному большинству собрания, стремившемуся, как известно, «к миру любой ценою, противопоставить в споре со сторонниками продолжения военных действий неские, убедительные до конца аргументы.

«За малым исключением, — указывала например комиссия, обследовавшая состояние торговли и промышленности Франции, — вся торговля и промышленность страны находятся в состоянии общего маразма, требующего немедленных и энергичных мер». «La stagnation est complète», — подчеркивала комиссия в своей докладной записке, — «если бы война продолжалась дальше, положение сделалось бы абсолютно бедственным». Почти полное отсутствие сбыта — массовая безработица в связи с вынужденным закрытием фабрик и заводов и потеря иностранных рынков — вот согласно заключению комиссии к чему пришла Франция в результате сандецкой катастрофы и последовавших за ней революции и разрухи ¹.

Финансовое положение страны, которой предстояло теперь вынести на себе бремя 5-миллиардной немецкой контрибуции, было, разумеется, предметом специального обсуждения и предметом особого внимания со стороны членов Национального собрания. Подобно всем другим комиссиям и комиссия Леона Сэя представила собранию в срок свои соображения о финансовом положении Франции. Чрезвычайно характерно однако, что Национальное собрание даже не решилось ни обсуждать, ни тем более опубликовать заключение финансовой комиссии. «Франция чрезвычайно заинтересована, — заявил с трибуны собрания глава исполнительной власти, — в том, чтобы ее кредиту не был причинен ущерб, обнародование же докладной записки финансовой комиссии, по его мнению, и должно было «нанести удар кредиту», особенно ввиду предстоящих переговоров о займе для покрытия немецкой контрибуции ².

Действительно, доклад финансовой комиссии в чрезвычайно мрачных тонах рисовал финансовое положение страны, находившейся к весне 1871 г. безусловно накануне банкротства.

Начиная с 18 июля 1870 г. огромные военные расходы, скоро превысившие 10 млн. франков в день, заставили напрячь до последних пределов все имеющиеся бюджетные возможности. Обычных ассигнований не хватало уже ко времени Седана и революции 4 сентября; казначейство поэтому пригуждено было срочно изыскивать чрезвычайные дополнительные ресурсы. До 20 февраля 1871 г., т. е. до времени составления указанной докладной записки финансовой комиссии, были открыты новые, особые кредиты, превысившие огромную по тому времени сумму

¹ «Annales de l'Assemblée nationale», Т. I, annexes, стр. 39.

² Там же, т. I, стр. 302 (прот. заседания 11 марта 1871 г.).

в 2,3 млрд., из которых почти один миллиард был получен казначейством от могущественного Французского банка.

К концу февраля—и это с ужасом констатирует доклад финансовой комиссии—казначейство снова стоит пакадуе прекращения платежей: «Легко установить,—читаем мы в докладе,— что казначейство израсходовало уже все чрезвычайные поступления и что эти чрезвычайные поступления на сегодня уже абсолютно исчерпаны». «6 марта.—сигнализирует комиссия,—будут израсходованы последние авансы, полученные казначейством от Французского банка»³. «Недаром следовательно острели в кулуарах собрания, что Шуйз-Кертье, этот толстый и хитрый русский фабрикант, в день своего назначения министром финансов «мог унести все богатство Франции в собственной своей шляпе»⁴. «Шуйз-Кертье, являющийся скорее роялистом, чем республиканцем, стоит перед едва ли разрешимой финансовой задачей»—писал⁵ несколько позже Бисмарку о том же генерал Фабрице⁵.

Итак, не подлежит сомнению, что к моменту созыва в Бордо Национального собрания хозяйственная жизнь Франции была уже чрезвычайно сильно подорвана и что к этому времени грядущее с жестоким кризисом, охватившим промышленность, торговлю и сельское хозяйство, и финансы страны находилась в состоянии крайнего напряжения. Это напряжение, вне всякого сомнения, ставило под угрозу всю кредитную систему Франции и непосредственно отражалось на курсе основных биржевых ценностей и в первую голову на курсе франка, которые и без того начали уже сильно колебаться к концу рокового для Франции 1870 г.

Достаточно сказать, что на 1 января 1871 г. курс 3-процентной государственной ренты, равнявшийся 1 июля 1870 г. 72,65 фр., был уже равен 51,65 фр., что к марту 1871 г. курс этот опустился до 50 фр. и что таким образом за несколько месяцев войны рента потеряла до 30% своей довоенной ценности. Менее сильное, но все же весьма заметное падение претерпели и акции Французского банка—их курс, равнявшийся в июле 1870 г. 2 867 фр., снизился теперь до 2 325!

Весьма характерно, что снятие осады Парижа и заключение перемирия внесли только незначительное и мимолетное успокоение в биржевые круги Парижа: после объявления условий мира, как и следовало ожидать, падение французских ценных бумаг пошло снова ускоренным темпом. В течение этой недели, —читаем мы 13 февраля на страницах хорошо осведомленного «Temps», — биржа больше занималась политикой, чем делами; среди биржевиков, —отмечает газета,—царят уныние и полная неуверенность, несмотря на состоявшийся уже созыв Национального собрания. Несмотря на заключение мира, указывает 27 февраля газетный обозреватель, нельзя ожидать повышения курсов: «Это потому, что биржа обладает чувством положения («le sentiment de la situation»), она держит на самом низком уровне курс ренты, которая всего несколько месяцев назад стоила целых 75 франков»⁶.

Совершенно ясно, что в дальней исторической обстановке основной задачей, основной миссией нового правительства Тьера, являвшегося по существу только приказчиком господствовавших в стране со времени июньского разгрома парижского пролетариата классов, должно было стать перенесение всей тяжести расплаты за войну на плечи широчайших слоев трудового населения Франции. За преступления империи, за Седан и Париж должны были теперь расплачиваться все те же многострадальные народные массы, оплатившие уже своими потом и кровью, своими жалкими трудовыми грошами и мексиканские и итальянские затеи Луи-Наполеона, и разгул и разврат потрясающе описанного Эмилем Золя в бессмертных «Добыче» и «Деньгах» императорского, «османовского» Парижа.

«Свалить тяжесть ими же вызванной войны на плечи производителей богатства» — вот, по словам Маркса, в чем заключалась задача буржуазии. И именно поэтому бесжалостное выжимание последних оставшихся у трудящихся Франции франков, всемерное сокращение и без того ничтожного фонда заработной платы, вырывание с кровью и мясом из рук мелких торговцев и бесчисленных patrons всех тех денежных сумм, которые в предшествовавшие войне месяцы и годы получали в порядке шейлоковского ростовщического кредита эти представители мелкой буржуазии от своих более счастливых и главное более богатых конкурентов, должны были стать главной заботой буржуазии.

³ S a u L. «Les finances de la France». т. I, стр. 59.

⁴ H a n o t a u x G. «Le Gouvernement de M. Thiers», т. I, стр. 77.

⁵ G o l d s m i d t H. «Bismarck und die Friedensunterhändler 1871», Brl. und Lpz. 1929, стр. 82.

⁶ «Temps» от 27 февраля 1871 г. («Semaine financière»).

Вопрос о том, кто, что и когда заплатит за проигранную войну, становился таким образом рьяней весной 1871 г. тем основным стержневым вопросом политической жизни Франции, вокруг которого разворачивались и не могли не разворачиваться новые жесточайшие классовые схватки.

В интересах и под прямым давлением верхних слоев французской буржуазии — финансовой аристократии и прежде всего тех магнатов капитала, которые стояли за спиной богатейшего Французского банка, — правительство Тьера приступило вскоре после своего прихода к власти, в конце февраля 1871 г., к проведению в жизнь ряда экономических мероприятий. Целью этих мероприятий являлось стабилизировать распатанную войной французскую валюту, укрепить пошатнувшийся банковский кредит и восстановить финансовую мощь страны путем:

1) жесткого сокращения всех расходных статей бюджета за счет трудящихся (сюда конечно относится отмена жалования национальным гвардейцам, сокращение расходов на госаппарат, культурные, социальное обеспечение и т. п.);

2) повышения всех налагаемых на трудовые массы налогов (введение новых, повышение старых и т. п.);

3) безжалостного взыскания в интересах фиска всех недоимок, а в интересах финансовой аристократии — всех платежей по просроченным в результате войны и кризиса векселям и прочим обязательствам.

Как известно, именно эти экономические мероприятия и начало незадолго до 18 марта с исключительными прямолинейностью и последовательностью проводить новое правительство Тьера. «Тайна» этого правительства, блестяще раскрытая на страницах «Гражданской войны» Маркса, заключалась в конечном счете в том, что это правительство открыто и беззастенчиво подчиняло интересам и задачам *haute finance* Франции как свою экономическую, так и свою общеполитическую деятельность.

Разумеется, мы тщетно будем искать указаний на эту «тайну» на страницах многочисленных «Историй основания третьей республики» и «Биографий г-на Тьера». Буржуазная историография Франции всячески избегает говорить, что задача правительства Тьера на другой день после позорно проигранной войны состояла в том, чтобы в классовых интересах кучки банкиров и биржевых спекулянтов перенести бремя расплаты за войну на плечи трудящихся Франции. Наоборот, буржуазные историки всеми силами стремятся скрыть от масс классовые корни деятельности Тьера и других «основателей» третьей республики совершенно так же, как делают это по отношению к деятельности Вашингтона историки САСШ, а по отношению к Бисмарку — буржуазные историки Германии. Они подчеркивают бедственное положение Франции 1871 г. только для того, чтобы на фоне всей безмерности ее экономического и политического падения ярче и сильнее оттенить величие впекалассовой и надклассовой деятельности спасшего страну от «анархии» и «порабощения» Тьера.

Классовый смысл экономической политики Тьера после франко-прусской войны неизменно смазывался и продолжает еще смазываться в посвященных Коммуне, Тьеру и созданию третьей республики буржуазных исторических работах. Нетрудно будет, опираясь на бессмертный «Адрес о гражданской войне во Франции», еще раз показать в истинном свете деятельность Тьера и вместе с тем по возможности вскрыть те взаимоотношения, которые накануне событий 18 марта 1871 г. заставляли Тьера и его друзей послушно защищать корыстные интересы определенных кругов французской буржуазии.

Не предполагая ставить здесь во всю ширь вопрос об ближайших причинах революции 18 марта 1871 г. и тем более разрешать вопрос о причинах этой революции вообще, мы собираемся в дальнейшем остановиться внимательнее читателем только на отдельных, менее освещенных в литературе сторонах общей проблемы предпосылок «первого в мире опыта диктатуры пролетариата». В частности нас особенно интересует вопрос об издании знаменитого дюринговского закона: хорошо известно, что накануне революции 18 марта именно этот закон об уничтожении отсрочек платежей по векселям сильнее всего волновал и революционизировал массы мелких собственников Парижа и что именно в этом, казалось бы, частном вопросе, как в фокусе, переплетались и сталкивались самые общие противоречия рождающейся третьей республики. Вместе с тем наше внимание привлекает к себе и роль могущественного Французского банка, беспорочно возглавлявшего накануне Коммуны реак-

ционные устремления буржуазии и в значительной степени вдохновлявшего контрреволюционную деятельность вновь созданной после созыва Национального собрания правительственной власти.

II

Ф р а н ц у з с к и й б а н к — это бесспорно крупнейшее кредитное учреждение Франция — был основан непосредственно после переворота 18 брюмера Наполеона Бонапарта, закрепившего, как известно, политические позиции крупной французской буржуазии и утвердившего после бурных революционных лет ее господство. С этого времени начинается длинная история этого мощнейшего Банка, связанного с наполеоновских дней тесными узами с государственной властью, но продолжавшего вместе с тем сохранять свою самостоятельность в качестве частного, а не государственного кредитного учреждения. К концу 60 и началу 70-х годов XIX в., т. е. ко времени, о котором идет речь в этой статье, правление Французского банка, включавшее в свой состав всех наиболее крупных некоронованных королей биржи, промышленности и торговли Франции, крепко держало в своих руках все нити хозяйственной жизни страны и фактически могло диктовать свою волю массе более мелких французских собственников. С господами с Rue Croix-petits-Champs, с улицы, на которой возвышалось огромное и тяжелое здание Французского банка, принуждены были считаться не только отдельные крупные и мелкие купцы и фабриканты, но и все без исключения политические хозяева Франции, начиная с толстого коронованного Лафиттом Луи-Филиппа и кончая «человеком 10 декабря» — императором Наполеоном III.

К голосу банковских кругов должны были чутко прислушиваться и Гизо, и молодой еще Тьер, и болтливые «демократические» министры временного правительства, не говоря уже о тех правителях Франции, которым после прихода к власти Луи-Наполеона отдала была страна в качестве «добычи».

Хорошо известно, что именно Французский банк широко финансировал переворот 2 декабря 1851 г. и, говоря словами Гюго, соучаствовал в преступлении Луи-Наполеона. Неудивительно, что именно со времени этого переворота открывается новая блестящая страница в его истории, что именно со времени этого переворота благодаря закону 9 июня 1857 г. фактически увековечиваются его исключительные привилегии, значительно увеличивается эмиссионная деятельность и растет основной капитал (с 91,5 млн. фр. в 1852 г. до 136 875 тыс. фр. в 1857 г. и 182,5 млн. фр. в 1870 г.). Биржевая цена отдельной акции после декабрьского переворота быстро перебивает за 3 тыс. фр., т. е. акции продаются в 3 раза дороже номинала, а дивиденды резко идут вверх, обогащая и без того располагающих огромными капиталами акционеров (в 1851 г. — 105 фр., в 1852 г. — 118 фр., в 1853 г. — 154 фр., в 1854 г. — 194 фр., в 1855 г. — 200 фр. и т. д. с некоторыми колебаниями в годы кризисов). К 1869—1870 годам обороты Банка достигают уже огромной суммы почти в 8 млрд. фр., а одних только учетные операции в Париже — 3 млрд. фр. и это при золотом запасе, равном неслыханной тогда сумме в 1 267 млн. фр. Внутренняя мощь дополняется и еще более подчеркивается внешним блеском — в 1870/71 г. предложена была например правлением реставрация великолепной стильной золотой галереи в помещении Французского банка.

Оправившаяся на haute finance империя Луи-Наполеона всеми силами способствовала упрочению деловых связей между банками и крупнейшими торгово-промышленными предприятиями, толкая вперед, как это отмечает Маркс в своем «Crédit mobilier», развитие акционерных компаний, способствуя открытию новых коммерческих банков и расширяя тем самым сферу деятельности ссудного капитала. По словам Маркса, пришедший в 1851 г. к власти Луи-Наполеон выработал целый огромный «план вовлечения всей промышленности Франции в оборот парижской биржи» и стремился превратить «промышленный феодализм в данщика биржевой спекуляции»⁸.

Небольшой клочок магнатов капитала, составлявших основное ядро той haute bourgeoisie, которая, по словам дипломата эпохи де Шодорди, «имела в течение целого века наибольшее влияние на политику»⁹, удалось крепко захватить в свои руки крупнейшее кредитное учреждение Франции. Во главе Французского банка мы видим не только таких признанных королей международной биржи, какими бесспорно были Ротшильды, Готтингеры или Малле, но и

⁸ М а р к с, *Crédit mobilier*.

⁹ С h a u d o r d y, «La France à la suite de la guerre de 1870—1871», стр. 7.

Шпейдеров, Десперов и Давильеров—людей, возглавивших французскую промышленность. Тем не менее, несмотря на капиталистический характер кредитной деятельности Французского банка, финансирувавшего развивающуюся индустрию и сужавшего особенно после краха *Crédit mobilier* огромные суммы отдельным капиталистическим предпринимателям, своеобразные особенности развития французской экономики—распространение мелкой парцеллярной земельной собственности и достаточно широкое еще распространение мелких предприятий ремесленного и полуремесленного типа—позволяли акционерам Банка извлекать огромные барыши также из операций, носивших определенно ростовщический характер.

Во Франции, как указывает Маркс, «в течение XIX столетия место феодала занял городской ростовщик, место тяготевших на земле феодальных повинностей заняли ипотечки, место аристократической поземельной собственности занял буржуазный капитал»¹⁰. Но этот буржуазный капитал, зажимавший в эпоху Второй империи в голодные тиски не только мелкое крестьянство, но и бесчисленных мастеров—*ratons*, в значительной своей части был капиталом всемогущего Французского банка, принимавшего активнейшее участие в разрушении и разорении тех «форм, при которых производитель еще является собственником своих средств производства»¹¹.

Опиравшийся на целый ряд связанных с ним крупных и мелких кредитных учреждений Французский банк извлекал миллионные прибыли, не только выдавая ссуды под обязательства своих капиталистических клиентов—фабрикантов и коммерсантов, но также и принимая к учету ничтожные по стоимости векселя различных мелких производителей, широкой волной притекавшие в портфель его центральной конторы.

Действительно, среди различных операций Французского банка именно учет векселей вне всякого сомнения занимал первое и главное место. Пожалуй ни при одной из других операций Банка не проявились одновременно с такой исключительной откровенностью и яглотью эксплуататорский характер капиталистического кредита и разбойничий грабительский характер кредита ростовщического.

Для того чтобы разобраться в той тонкой системе грабежа, посредством которой банкирам и спекулянтам удавалось не только развивать движущую силу капиталистического производства, обогащение эксплуатацией чужого труда до чистой и колоссальной системы азарта и мошенничества¹², но и «все более сокращать число немногих эксплуатирующих общественное богатство»¹³ Франции,—необходимо прежде всего учесть ту поистине огромную роль, которую играл в деле организации кредита единственный эмиссионный банк Франции.

Располагая монопольно привилегией выпуска банкнот, Французский банк неизбежно становился главным источником кредита для всей страны. Небольшое сравнительно число филиальных отделений в провинции (60) не мешало ему снабжать средствами платежа огромное большинство дисконтеров, начиная с крупных банкнотных домов Парижа и кончая мелкими провинциальными банкирскими конторами, вся деятельность которых заключалась в учете векселей отдельных мелких предпринимателей. Последние в сравнительно редких случаях имели возможность учитывать свои векселя непосредственно в конторах Французского банка, так как этот банк принимал к учету только верные векселя, слабейшие, как правило, не менее чем тремя подписями—нотучительствами. Практически большинство мелких и средних собственников, нуждавшихся в кредите, должно было волей неволей обращаться к услугам многочисленных посредников—контрагентов, учитывавших векселя отдельных предпринимателей только затем, чтобы немедленно переучесть их в отделениях Французского банка.

Между Банком, с одной стороны, и многочисленными дисконтерами—с другой, таким образом, существовала вполне определенная и достаточно тесная связь: «благодаря этим взаимоотношениям большинство банкиров и вследствие этого также и торговля и промышленность во всех частях страны зависели в той или иной степени от поддержки, которую оказывал им Французский банк»¹⁴. Зависимость эта была так велика, что многие провинциальные банкиры открывали в Париже свои конторы с единственной целью проще и легче переучесть здесь во Французском банке векселя своих клиентов.

¹⁰ М а р к с, 18 брюмера Луи Бонапарта, изд. 1932 г., стр. 98.

¹¹ М а р к с, Капитал, т. III, ч. 2, изд. 1927 г., стр. 109.

¹² М а р к с, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 344.

¹³ Т а м же.

¹⁴ M e h r e n s, «Die Entstehung und Entwicklung der grossen französischen Kreditinstitute, Stuttg. und Brl. 1911, стр. 19.

Вместе с тем необходимо указать, что учетный процент для большинства мелких и средних собственников Франции никогда не опускался ниже 6 и лишь весьма слабо был связан с официальным учетным процентом.

Это случалось потому, что мелкий клиент обычно, как было указано выше, не мог иметь дела непосредственно с Французским банком, а имел дело с одним из посредников последнего, т. е. с банкирами, соглашавшимися ставить свою подпись на его векселях и переучитывавших затем эти векселя во Французском банке. Эти банкиры, разумеется, не безвозмездно оказывали свои услуги и взымали с векселедателей особую плату—*comission d'escompte*,—достигавшую подчас весьма значительных размеров. «Для мелких предпринимателей обычно было совершенно безразлично, опускался ли официальный учетный процент ниже 5 или 6; они замечали изменение этого официального курса только тогда, когда он начинал превышать эти цифры. Учетный процент брался с них всегда в размере 6 процентов, даже тогда, когда официальный учетный процент был равен 3. К этому проценту присчитывались еще комиссионные... И таким образом даже в обычное время общий учетный процент достигал для них 7—8 процентов»¹⁵. «От услуг Французского банка извлекали выгоду одни лишь банкиры, в то время как действительно нуждавшиеся в кредите были обижены и оставлены на произвол посредников»¹⁶.

«В портфеле» Банка в Париже—в этом святой святой фиансовой аристократии—скапливалась вся основная масса обращающихся во Франции векселей. Портфель этот—«то огромная касса с двойными стальными стенами и учетверенными замками, занимающая одна целую комнату»¹⁷. Сюда стекались для хранения все поступающие в Банк векселя, отсюда, по мере наступления сроков, векселя извлекались для передачи в особое бюро—«галлерею». Эта галлерея занимала в помещении Банка огромную залу, в которой целая армия чиновников занята была сортировкой векселей и их направлением дальше к взысканию или протесту.

Целый штат особых агентов-кассаторов, так называемых *garçons de recettes*, был занят отыскиванием клиентов Банка и взысканием с них причитающихся Банку платежей. Это был хорошо слаженный отряд: 170 человек, разделенных на 15 бригад, соответственно отдельным зонам Парижа. С раннего утра, особенно в середине и конце каждого месяца, бегают эти живые *memento mori* для тысяч мелких хозяйчиков по Парижу. Их внешний вид—«сумка через плечо», «слихо заломленная на ухо треуголка», «серый фрак с украшенными головой Меркурия белыми пуговицами» (*habits gris*)—хорошо знаком населению огромного города¹⁸.

Однако не только эта армия банковских служащих принимала активное участие в том узаконенном буржуазным обществом грабеже, который на языке финансистов называется дисконтом: учетом векселей и посредничеством при банковском кредите во Франции XIX века занималась еще целая стая государственных чиновников—*о т а р и у с о в*, *с л у ж а щ и х к а з н а ч е й с т в а* и *с у д е б н ы х* *исполнителей*. Многие из этих должностных лиц в той или иной степени были связаны с Французским банком и его филиальными отделениями на местах. Интересы этих должностных лиц переплетались с интересами банка, извлекавшего именно из учетных операций огромные барыши. Достаточно сказать, что вексельный портфель Французского банка, равнявшийся в 1852 году—1 840 миллионам франков, возрос к концу Второй империи до 6 635 миллионов франков и что в 1868 году, например, Банком было учтено 81 тысяча векселей стоимостью ниже 50 франков и 148 тысяч векселей стоимостью от 51 до 100 франков.

III

Война 1870—1871 гг. и последовавшие за ее началом цепь поражений, Седан и падение императорского режима, осада Парижа и стихийный подъем массового движения,—все это спутало карты акционеров Французского банка и их прислужников.

Уже к концу июля 1870 года были отмечены отлив вкладов из касс и уменьшение золотого запаса Французского банка. После Верта и Форбаха, т. е. после первых серьезных поражений французских армий, финансовое положение страны становится прямо угрожающим. Доверие населения к кредитным учреждениям резко падает, и расчетливые буржуа, забывая о том, что палика наносит удары делу обороны, пачкают тесниться к окошкам банковских касс. Финансовая разруха прежде всего бьет по частным коммерческим банкам, чтобы затем подорвать и

¹⁵ Там же, стр. 21 и дальше.

¹⁶ Там же, стр. 27.

¹⁷ D u - C a m p. «La Banque de France», статья в «Revue des deux mondes» за 1869 г., № 2., стр. 19 и дальше.

¹⁸ Там же, стр. 27.

положение самого Французского банка. Чем ближе к седанской катастрофе, тем скорее, катастрофичнее отливают золото из стальных кладовых, тем длиннее очереди, тем больше поступает требований размена на звонкую монету. Золото быстро исчезает из обращения, уже к 12 августа—дню законодательного введения принудительного курса—металлический фонд Банка оказывается уменьшенным больше чем на 280 млн. фр.

Защитительные мероприятия спасают банковское золото от окончательного распыления. 13 августа почти одновременно с прекращением размена банковских билетов вводится в жизнь и общий мораторий — неизбежное следствие новых, вызванных войной отношений,—т. е. отсрочивается на один месяц право требования платежа по всем денежным коммерческим сделкам, заключенным по день издания нового закона. В дальнейшем эта отсрочка платежей по векселям повторяется снова и снова в ежемесячных постановлениях правительства национальной обороны, принужденного волей неволей пойти на это законодательное ограничение свободы высканивания с должников занятых ими ранее у банкиров денег.

Пригудительный курс и расширение эмиссионной деятельности позволили Банку прийти на помощь правительству национальной обороны. С самого начала войны Банк учитывает обязательства государственного казначейства. Уже это одно вызывает известное напряжение и оказывается способным пошатнуть крепкие финансовые устои Банка, которому приходится в дальнейшем идти и на новые жертвы: он принужден оказывать поддержку различным связанным с ним частным банкам и продолжать учитывать их векселя. Это в свою очередь отягощает на целых 147 млн. франков уже и без того отягощенный обязательствами государственного казначейства вексельный портфель Банка.

Акционеры Французского банка скоро начинают выказывать некоторое беспокойство, а затем и тревогу: приостановка платежей по векселям начинает угрожать их привычным барышам и ставит под вопрос дивиденды. Тревожатся и связанные с Банком крупные дисконтеры, особенно те из них, которые почему-либо не сумели превратить в банкские билеты учетные у них ранее обязательства.

«Ненормальные» отношения военного времени уже вследствие одной этой серьезной угрозы привычным для банкиров барышам, уже вследствие одной только приостановки учетно-судных операций не могут не вселять тревогу кучке, этой финансовой аристократии капитала, связанной тысячами нитей с консервативным и реакционным государственным аппаратом страны. Вместе с тем тревога эта в свою очередь должна была усиливать и углублять те стихийно-реакционные настроения, которые финансовая аристократия не могла не разделять с другими слоями французской буржуазии и которые в конечном счете вполне предопределялись и страхом перед растущим движением пролетариата, и боязнью дальнейшего разветвления общедемократического движения. Из памяти банкиров и спекулянтов не могли изгладиться вполне воспоминания о страшном для них якобинском 1793 году, свежими были еще воспоминания об июньском восстании парижских пролетариев.

Таким образом стихийная тяга связанных с крупнейшими банками слоев буржуазии к скорейшему восстановлению довоенных нормальных отношений в области денежного обращения и кредита оказывалась только вполне естественным и законным продолжением характерной для всех слоев и прослоек крупной французской буржуазии после революции 4 сентября тяги к скорейшему восстановлению любой ценою прерванной войною свободной игры экономических сил, к полной свободе рыночных отношений и отказу от всяких попыток государственного регулирования экономических отношений.

Уже к концу декабря 1870 года связанные с банками и биржей слои крупной буржуазии начали проявлять и в Бордо и в Париже исключительную активность, открыто требуя от правительства Турецкой делегации, с одной стороны, и от правительства национальной обороны, с другой, немедленной отмены законов, ограничивающих право высканивания по просроченным векселям, связывая этот вопрос с вопросом о предоставлении государству дальнейших кредитов. К 25 декабря 1870 года в портфеле Французского банка уже успело накопиться огромное количество просроченных, но еще неопротестованных векселей на сумму в 724 млн. франков, и это конечно предопределяло максимальные настойчивость и упорство со стороны банкиров.

«С моей точки зрения Банку был нанесен больший ущерб декретами об отсрочке платежей, чем всеми авансами казначейству,—писал 2 января 1871 года в Бордо один из пахо-

19 За время с 18 июля 1870 г. по декабрь 1870 г. Банк авансировал госуд. казначейству 410 миллионов франков. См. M a r i o n «Histoire financière de la France», т. V., стр. 522 и дальше.

дивившихся вне осажденного Парижа влиятельных регентов Французского банка граф Жермини.—Добейтесь отмены этих декретов, постановите, чтобы кредитор мог в срок предъявлять к взысканию вексель должника... этим путем ликвидируется часть портфеля и уменьшится количество банкнот, находящихся в обращении» 20.

Одновременно шевелились представители и других крупнейших банков Парижа и провинции, громко протестовавшие против выдвигаемых средними торгово-промышленными кругами новых проектов отсрочек.

Связанное с банкнотными кругами и вполне послушное им реакционное и продажное правительство Трошию и Фавра должно было уже в самом начале января 1871 года поставить вопрос о ликвидации моратория, т.е. фактически поставить вопрос о том, чтобы отдать в руки жадных банкиров мелких и средних собственников Франции.

Мы цитировали только что характерное письмо регента Французского банка Жермини, адресованное заместителю директора Французского банка О'Кэну. Письмо это, отосланное из Лондона 2 января, должно было прийти и пришло в Бордо как раз накануне подписания договора о предоставлении Банком правительству Турской делегации новых миллионных долгосрочных кредитов.

Победители-банкиры дорого оценили свои услуги находившемуся тогда в исключительно тяжелом положении государству. Недаром же впоследствии один из высших чиновников министерства финансов директор управления косвенных налогов Рой не смог скрыть перед следственной комиссией Национального собрания, что О'Кэн при заключении договора 4 января 1871 года «потребовал такие условия в пользу Банка, которые должны быть признаны весьма суровыми, по которым мы тем не менее должны были принять» 21.

Надо сказать, что Французскому банку тем легче было выторговать у чиновников министерства финансов выгоднейшие для себя условия, что самый аппарат государственной власти, как мы уже говорили, был самым тесным образом связан с банковскими кругами и уже вследствие одного этого достаточно охотно шел на удовлетворение корыстных требований банкиров. На это обстоятельство между прочим прямо указывал много лет спустя в палате депутатов один из виднейших ораторов республиканской «левой» К. Пеллетан, утверждавший не без основания, что в своей борьбе с Гамбеттой и при подписании грабительского договора о кредитах «Банк имел естественным союзником... удивительный административный мандаринат, которому может вполне позавидовать Китай, но не Европа». В Тур прибавляет он дальше, «был послан, для того чтобы представлять там министерство финансов, прекрасный образец этого рода, настоящий регламент из костей и мяса, живой реестр 12—15 тысяч департаментских циркуляров» чиновник Русси, который и подписал от имени делегации договор с Банком о кредитах 22.

Недалеко от этого Русси ушел и другой советник Гамбетты по финансовым вопросам Лорье, человек «fort attaché à la Banque de France», саботировавший распоряжения делегации и действовавший по принципу «скорее пусть родина будет раздавлена, чем мы притронемся к Банку» 23.

Накануне подписания указанного выше договора именно на этого Лорье и оказали соответствующее давление близкие Банку люди: мы знаем, что 3 января в помещении министерства иностранных дел в присутствии самого де Шодорди бывший императорский министр финансов Магне в течение двух часов уговаривал Лорье пойти на уступки и принять без возражений все условия, поставленные О'Кэном 24. Делегаты министерства финансов «были моими бывшими чиновниками,—говорил впоследствии Магне,— и именно поэтому они легко поддавались уговорам» 25.

Условия, на которых Французский банк соглашался открыть новые кредиты Турской делегации, можно прямо назвать грабительскими. Банк требовал от государства не много не мало, как целых 6% годовых и кроме того в качестве гарантии уплаты предоставления Банку в эксплуатацию почты и телеграфа. Банкиры, как видно, не делали тогда различия между правительством Франции и турецкой Портой. О'Кэн с трудом согласился принять государственные леса в виде гарантии уплаты.

20 «Annales de l'Ass. Nationale», т. XXI, стр. 554.

21 «Annales», т. XXI, стр. 554, Déposition Roy.

22 P o m m i e r, La Banque de France et l'Etat, стр. 455.

23 Т а м ж е, стр. 459.

24 «Annales», т. XXI, стр. 555, Déposition O'Quin.

25 P e l a t, Les souvenirs de M. Magne, статья в «Feuilles d'histoire» за 1914 г.

Но это были еще не все условия: «Наиболее серьезной гарантией, которую могло дать Банку правительство, было возвращение к уважению коммерческих сделок»²⁶. Именно вследствие этого О'Кэн «потребовал также приостановки бесконечных отсрочек платежей по коммерческим векселям, для того чтобы наличные средства Банка могли возрастать и служить покрытием для банковых билетов»²⁷. Нуждающееся в деньгах, склонившееся перед Шейлоком-Банком правительство Турецкой делегации «не без некоторых затруднений» пошло на все эти условия²⁸: 8 января, через 4 дня после заключения договора о кредитах, был опубликован в Бордо составленный самим О'Кэном декрет о разрешении предъявлять просроченные векселя к протесту. В результате, по словам того же О'Кэна, «в течение месяца уменьшился на 32 млн. фр. портфель просроченных векселей»²⁹ в провинциальных отделениях Французского банка. О числе разоренных и пущенных по миру мелких торговцев и ремесленников О'Кэн конечно не говорит ни слова.

Аналогичный нажим на правительство производился в Париже директором Банка Руланом, а также отдельными влиятельными регентами, в частности Ротшильдом. Последним не удалось, правда, при заключении 11 января договора о предоставлении Правительству национальной обороны 400-миллионного кредита добиться тех же самых условий, что в Бордо, но правительство и здесь, в осажденном Париже, охотно пошло на большие уступки Банку и главное, также вне всякого сомнения, да л о б е щ а н и е в возможно короткий срок ликвидировать ненавистные для баширов декреты.

Мы можем судить об этом, во-первых, на основании свидетельства О'Кэна, указывавшего, что договор, подписанный в Бордо, «был почти идентичен тому, который был подписан в Париже»³⁰, и, во-вторых, на основании выступления министра финансов Э. Пикара на заседании совета министров Правительства национальной обороны.

Пикар, который, по словам своего биографа Реклю, «сумел найти себе наиболее действительную опору в сотрудничестве с главным кредитным учреждением страны»³¹, в своей речи 12 января, т. е. на другой день после подписания указанного договора с Банком, недвусмысленно потребовал уничтожения моратория. «Пикар обращает внимание на неудобство отсрочек платежей,—читаем мы в кратком протоколе заседания,—в настоящий момент в Банке (в парижской конторе) больше чем на 529 млн. фр. просроченных векселей. В Париже,—указывает он,—жалуются на эти постоянные отсрочки, и он боится, что недовольство в провинции еще более велико. Поэтому он предлагает положить предел этим отсрочкам...»³².

Несмотря на настояния Карла Фогта перед Правительством национальной обороны³³, давшим конечно определенные гарантии Рулану, правительство не решилось тогда пойти на немедленную отмену моратория. Политическое положение в Париже не позволяло ему этого, так как новая революционная волна в это время снова угрожала самому существованию буржуазного правительства; последнее, как известно, жило тогда под впечатлением красной афиши ЦК 20 округов Парижа и должно было уже готовиться к новому взрыву возмущения: 22 января было уже не за горами. Отталкивать от себя немедленной отменой моратория широкие слои мелкой и средней буржуазии правительство тогда еще не решалось.

Отсрочки платежей по векселям не были таким образом в январе 1871 г. аннулированы центральным правительством, но можно ли сомневаться, что продажные и преданные банкирам Пикары и Фавры уже тогда, до капитуляции Парижа, готовы были в интересах финансовой олигархии обездолить и разорить всю массу мелких собственников Франции и Парижа?

IV

Монархический и реакционный состав созданного в Бордо 13 февраля Национального собрания и приход к власти правительства орлеаниста Тьера, который с давних пор был признанным другом банкиров и еще накануне польской революции был частым посетителем лафиттовского

²⁶ S a u L ., ук. соч., т. I, стр. 71.

²⁷ «Annales», т. XXI, стр. 555.

²⁸ Т а м ж е.

²⁹ Т а м ж е.

³⁰ Т а м ж е.

³¹ R e c l u s M., E. Picard, стр. 310—311.

³² D é b o, Gouvernement de la Défiance Nationale. Procès-verbaux des séances du conseil, стр. 515—516.

³³ М а р к с, Гражданская война во Франции, стр. 31.

особняка, обеспечивали Французскому банку быструю ликвидацию непавистных экономических декретов Правительства национальной обороны.

«Haute finance»—финансовая аристократия страны—тем сильнее могла рассчитывать на Тьера, что переход к «нормальным экономическим отношениям» был торжественно возведен последним с трибуны Собрания 19 февраля, в день заключения так называемого «Бордосского пакта».

Стремясь объединить в единое целое разрозненные, враждующие между собой отдельные котерии реакционной буржуазии, Тьер в этот день набросал перед «деревенщиной» целую программу мероприятий новой правительственной власти, которая, по его мнению, должна была «спасти» Францию и «восстановить» ее. «Non, non, mm., — восклицал Тьер, — pacifier, réorganiser, relever le crédit, ranimer le travail — voilà la seule politique possible et même conceivable en ce moment»³⁴. &

20 февраля Тьер был уже в Париже, откуда немедленно отправился в Версаль, где, как известно, должны были вестись переговоры с Бисмарком о заключении предварительного мирного договора. «Я использовал это путешествие, — пишет Тьер в своих «Воспоминаниях», — для того чтобы договориться с Французским банком и получить от него новые авансы»³⁵. Мы ничего не знаем достоверного об этих переговорах Тьера с директором Банка Руланом, но тем не менее можем с уверенностью сказать, что последний соглашался на предоставление новых кредитов государственному казначейству, так как 400-миллионный январский кредит был уже на исходе, лишь при условии уничтожения отсрочек платежей по векселям. По крайней мере несколько позднее сам Тьер, отмечая деятельность министра финансов Пуйг-Кертье по проведению через финансовую комиссию Собрания дюфуровского закона, прямо подчеркивал, что «без положения Пуйг-Кертье труда нельзя было бы заключить никакого соглашения в Париже с Банком»³⁶.

Давление близких к Французскому банку кругов на правительство к концу февраля значительно усилилось в связи с кампанией, поднятой большой буржуазной прессой: распространявшиеся буржуазные газеты в это время подняли свой голос и громко требовали восстановления довоенных отношений в области кредита.

«Необходимо прежде всего урегулировать раз и навсегда вопросы сроков платежа...— читаем мы в «Temps» от 24 февраля 1870 г., — мы того мнения, что все временное должно перестать существовать...» 27 февраля тот же «Temps» указывает, что экономические мероприятия Правительства национальной обороны «только затягивают кризис, делая его еще более тяжелым». «Необходимо противопоставить тем утопиям, которые уже в течение 20 лет сбивают нас с дороги, тем теориям, которые прикрываются общественным благом, тому расточительству, которое претендует развивать кредит и богатство, порядок, бережливость и труд»—недвусмысленно заявляет газета. 7 марта «Temps» снова требует немедленного «восстановления порядка» в финансовых делах, и в тот же день другая влиятельнейшая газета—«Journal des débats»—кричит о том, что предстоящие платежи Пруссии требуют восстановления кредита в стране: «Дело идет о том, чтобы платить, слышите ли вы? Знайте, что это язык цифр. Для того чтобы платить, необходимы деньги, необходим кредит...»

К началу марта нетерпение верхов буржуазии делается особенно сильным. Они требуют «les remèdes les plus énergiques comme les plus prompts» и громким голосом кричат о том, что «кредит был главным образом нарушен благодаря проведенным слишком поспешно мерам»³⁷.

Благодаря этим поспешным мерам, читаем мы в докладной записке комиссии по торговле и промышленности Национального собрания, четко отражавшей интересы и построения крепко связанной с финансовой верхушкой группы крупнейших фабрикантов и торговцев, «банкиры закрыли свои кассы», а «поблажки, данные плохим плательщикам, только увеличили их число»³⁸

5 марта в Бордо состоялось экстренное совещание регентов Французского банка и директоров его отделений³⁹, но еще за несколько дней до этого Рулан прямо обратился к Шикару и Тьеру, настаивая снова в самой категорической форме на скорейшем проведении в жизнь желательных для банкиров законов.

³⁴ Annales, т. I, стр. 74.

³⁵ Thiers, Notes et souvenirs, стр. 135. ¹

³⁶ См. письмо Тьера Фавру от 5 марта 1871 г. Bouuiois, Thiers au pouvoir, стр. 29.

³⁷ «Annales», т. I, стр. 73 и 39. Rapport Guiraud.

³⁸ Там же, стр. 40.

³⁹ См. газету «Vengeur» № 31 от 7/III 1871 г.

Рулану, надо сказать, не приходится особенно жаловаться на Правительство. Последнее со своей стороны всячески стремилось добиться тесного сотрудничества с Банком и уже в конце февраля просило администрацию Банка предоставить необходимые для работы финансовой комиссии Собрания материалы.

«Я принимаю от всего сердца,—пишет 1 марта Рулан Пикару,—то поручение, которое вы мне даете, и посылаю в Бордо парочного, снабженного документами, необходимыми гг. Дюфору и Пуйэ-Кертье. Все готово, мой инспектор отправляется завтра утром, и так как документы, которые я посылаю, представляют собой уже готовое целое, я надеюсь, что ваши коллеги будут в состоянии очень быстро представить в собрание хороший проект закона о ликвидации просроченных векселей; дело очень спешное...»⁴⁰

Рулан, как видно, весьма спешит с проведением необходимых Банку мероприятий. И, несмотря на то, что позиция Правительства должна была внушать ему полное доверие, он тем не менее считает необходимым в сдержанном, но достаточно определенном тоне указать Тьеру на то, что Банк ждет от него быстрого перехода от слов к делу:

«Г-н Президент»,— пишет Рулан 3 марта в день известных греллельских беспорядков в Париже,—позвольте мне выразить вам от имени Французского банка и деловых кругов желание видеть скорое возвращение Правительства и Национального собрания, одного—в Париж, а другого—в Версаль. При наличии столь многочисленных и серьезных дел, которые выдвигаются ежедневно и будут еще выдвигаться, нет возможности людям, занятым этими делами, не находиться в живом и постоянном контакте с теми людьми, которые управляют и не находятся около суверенного собрания, которое решает все... То, что я ощущаю в моей скромной сфере, живо ощущается во всех частях управления нашей страны. Тут еще не чувствуется рука, которая управляет, не чувствуется единства, которое сплачивает, смелости, которая разрешает всякие сомнения (разрядка моя—С. К.). Таково общее мнение тех людей, которых я вижу... и которые вращаются в центре деловой жизни и крупнейших сделок... Никто лучше вас, г-н Президент, не умеет ценить общественный мир, порядок и труд... Страна верит в вас, возвратите же ей как можно скорее единство и энергию в ее Правительстве, и мы возблагодарим вас быстрым восстановлением наших жизненных сил»⁴¹.

Тьер, разумеется, спешит ответить главе высшего кредитного учреждения. Его письмо представляет для нас такой большой интерес и так мало известно, что мы считаем возможным привести его здесь целиком, несмотря на довольно значительные его размеры. Вот что отвечает 5 марта Тьер директору Банка Рулану:

Бордо, 5 марта 1871 г.

Мой дорогой Рулан!

Я получил ваше письмо и благодарю вас. Г-н Пуйэ-Кертье остался здесь для того, чтобы ознакомиться с фактами, которые имели место в провинции во время осады и которые стоили нам от 11 до 12 сотен миллионов. С этим стоило труда ознакомиться, когда дело идет о подведении итога. Сегодня он постарается провести закон о сроках платежа и выедет отсюда вечером или завтра утром с нашими идеями относительно способов добыть необходимые нам средства. Незачем вам говорить, что Банк фигурирует в наших планах в качестве главного орудия, и он от этого не потеряет, я вас в этом уверяю.

Что касается тех размышлений, которые можно найти в вашем письме, то, пожалуйста, не повторяйте нам речи бездельников, подобные например этим: руки, которая должна управлять, не чувствуется, и т. п.

Рука, которая должна управлять, существует и не бездельничает, и если вы ее не чувствуете, то это происходит потому, что мы находимся на расстоянии 150 лье и потому, что всякая сила теряет свою видимую энергию на расстоянии.

Я был избран 17 февраля. 19-го было создано министерство, на создание которого уходило ранее 15, 30, 90 дней, и сейчас же представлено Собранию. 20-го я был в Париже и в

⁴⁰ Reclus M., E. Picard, стр 218.

⁴¹ «Revue des deux mondes», 1916 г., т. 34, июнь—июль.

Версале. 20-го мир был заключен, мир тяжелый, но который мог быть еще более тяжелым, так как мы были в положении армии, принужденной сдаться на милость победителя.

27-е (день и ночь) было употреблено на то, чтобы дать первые распоряжения в Париже для приема пруссаков, который прошел затем без помех. 28-го я прибыл в Бордо. 2 марта в Париже была произведена ратификация и вы были освобождены от пруссаков. 3-е и 4-е были употреблены на то, чтобы отправить вам 40 тыс. чел., и вы может быть думаете, что отправка войск делается теперь так, как она делалась раньше. Тогда телеграф в один день мог собрать 50 тыс. чел., так как имелась единая армия и было известно, где она находится. Теперь необходимо делать выбор из 150 тыс. чел. самого различного рода, разбросанных по 20 департаментам; отделить то, что хорошо, соединить и составить бригады, дивизии, направить их по разрушенным дорогам, занятым пруссаками; и надо еще получить разрешение в Версале для того, чтобы пруссаки позволили войскам пройти через свое расположение и прибыть в Париж.

Я вам не говорю уже о Собрании, состоящем из 700 возбужденных членов, мечтающих о правительстве по своему выбору, о Собрании, которое надо объединить вокруг одной мысли о реорганизации Франции, о необходимости вдохнуть в нее снова жизнь, раньше чем порешить, какому Правительству, монархическому или республиканскому, или какой ветви надо будет ее отдать, когда она будет восстановлена.

Я работаю от 20 до 22 часов из 24, и если я заболю, а это мне угрожает в любой момент, я не знаю, что со всем этим будет. Потерните немного, мой дорогой Рулан, и подумайте обо всех этих фактах раньше, чем выносить суждение.

Дайте мне еще 15 дней, и много дел будет разрешено.

Примите уверения в моей дружбе А. Тьер 42.

Это письмо Тьера, мы думаем, не цитируется в комментариях. Отметим только, что глава исполнительной власти прямо отчитывается здесь перед главой Французского банка в своих действиях и что он спешит успокоить господ с улицы Croix-petits-Champs. «Р у к а, к о т о р а я д о л ж н а у и р а в л я т ь, с у щ е с т в у е т», подчеркивает Тьер, и прежде всего остального эта «рука» спешит провести через различные инстанции столь необходимый банкирам закон об отмене моратория.

Мы знаем уже из письма Рулана Пикару, что 2 марта из Парижа в Бордо был направлен специальный чиновник с необходимыми Дюфору материалами. О том, что Дюфор широко использовал эти материалы, говорил он сам, подчеркивая в одной из своих речей, что закон «был подготовлен с бесконечной тщательностью» не им самим, а «представителями Банка, учетной конторы и коммерческими палатами» 43.

Уже 6-го проект закона был внесен Правительством в Национальное собрание, которое немедленно передало его на рассмотрение специальной комиссии, выделившей в качестве докладчика старого банкира Гуэна. 8 марта Тьер в своей речи перво «умоляет» Собрание не задерживать обсуждение «закона, который имеет целью восстановить естественный ход вещей» и который «должен служить средством для того, чтобы возвратить в кассу Французского банка 800 миллионов франков по просроченным векселям» 44. 9-го делает свой доклад указанная комиссия а 10-го закон прямо проталкивается Дюфором, требующим быстрого перехода к постановочному чтению и немедленного общего голосования.

Несмотря на возражения как в самом Собрании, так и в печати, несмотря на волну негодования и возмущения, прокатившуюся по Парижу и всей остальной Франции и охватившую широчайшие слои мелких и средних собственников, внесенный Дюфором и поддержанный Тьером и Пуиз-Кертве закон об отмене отсрочек платежей по векселям был все же принят огромным большинством реакционной «деревенщины», всецело поддерживавшей правящую страной кучку связанных с банками маглатов капитала.

День, которого ожидали, по словам банкира Гуэна, докладывавшего Собранию о внесенном Правительством законе, все кредиторы Франции, наконец наступил. Этот день должен был стать началом претворения в жизнь той программы экономических мероприятий, о которой мы говорили уже выше и которая должна была способствовать перенесению бремени и тягот войны на плечи трудящихся Франции.

42 *В о u n i o i s, Thiers au pouvoir*, стр. 20—22.

43 *«Annales»*, т. I, стр. 262.

44 *«Annales»*, т. I, стр. 205.

Почин был сделан высоким законодательным органом страны. Оставалось приступить к фактическому осуществлению закона и попытаться опротестовать просроченные мелкими собственниками в Париже и Франции векселя.

Французский банк уже почти торжествовал победу: цена его акций, значительно упавшая со времени начала франко-прусской войны, резко поднялась — они стоили теперь, на другой день после принятия дюфоровского закона, снова ровно столько, сколько стоили они накануне объявления войны (2 900 фр.). За первые 10 дней марта акции Банка поднялись в цене на целых 300 фр. (с 2 605 фр. 28 февраля до 2 900 фр. 11 марта), а в самый день 10 марта — на 120 франков (с 2 740 фр. 9 марта до 2 860 фр. 10 марта). Это был исключительный скачок, почти триумф⁴⁵. По словам финансового обозревателя газеты «Temps», французские капиталисты предвидели уже в эти дни «большие выгоды для Банка в новой ценности денег, в окончании отсрочек платежей»⁴⁶.

Французский банк почти победил. Для окончательного закрепления своего успеха ему оставалось только сломить сопротивление тех масс трудового народа, которые после революции 4 сентября 1870 г. уже не хотели больше и не могли «жить по-старому» и которые готовились уже в эти мартовские дни 1871 г. к тому, чтобы дать отпор своим угнетателям и притеснителям.

И в отличие от тех дней, которые предшествовали в 1848 г. кровавой июньской схватке, на этот раз рабочий народ Парижа был не одинок — его революционный порыв находил определенные отклики в широких трудовых массах мелких собственников Парижа.

Именно страх перед этим союзом, именно стремление возможно скорее реализовать указанную выше экономическую программу и обеспечить проведение в жизнь закона Дюфора заставляли Французский банк и связанные с ним круги буржуазии торопить Тьера с принятием определенного решения: известно, что именно давление со стороны деловых банковских кругов дало непосредственный толчок и ускорило события 18 марта 1871 г. Сам Тьер в своих показаниях, данных впоследствии комиссии Национального собрания, вскрывает мотивы своего отказа от вынудительной тактики и мотивы перехода в наступление: «не начать действовать при том состоянии, в котором находились умы, при тех толках и слухах, которые распространялись в Париже, значило показать себя слабыми и беспомощными». Одновременно, указывает Тьер, многие люди, занимавшиеся финансовым вопросом (вспомним Рулана, тосковавшего еще в начале марта по «сильной руке» — С. К.), говорили, что необходимо наконец подумать о платежах пруссакам. Деловые люди, по словам Тьера, всюду повторяли: «Вы никогда не сможете совершить ни одной финансовой операции, если вы не покончите со всеми этими мерзавцами и не отнимите у них пушки...»⁴⁷. О тех же мотивах рассказывает также и Жюль Фавр в III томе своей книги о Правительстве национальной обороны. Он указывает, что после 10 марта «растущая дерзость заговорщиков говорила о том, что наступило время покончить с ними... Надо было действовать. Общественное мнение громко требовало этого от нас, со всех сторон раздавались жалобы на нашу слабость...» «Таков был язык буржуазии и ее газет», — подтверждает Фавр⁴⁸.

Неудача в день 18 марта, как и следовало конечно ожидать, не только не ослабила, но, наоборот, еще более усилила ярость контрреволюционной буржуазии. Победа пролетарского восстания в столице, обостряя до последних пределов классовые противоречия в стране, неизбежно сплачивала вокруг трехцветного знамени реакции все враждовавшие ранее между собой группы буржуазии и заставляла их возлагать свои надежды и упования на деятельность только что позорно изгнанного из Парижа, но тем не менее способного возглавить борьбу против пролетариата правительства Тьера.

Насмерть перепуганная буржуазия была теперь готова на все жертвы, лишь бы решительнее и скорей покончить с «врагами собственности и порядка», готова была безоговорочно и до конца поддерживать правительство Тьера, начавшее немедленно вслед за событиями 18 марта готовиться к борьбе с Парижем.

Французский банк готов был теперь идти на любые жертвы, лишь бы скорее покончить с рабочей властью в Париже.

⁴⁵ См. биржевые бюллетени газеты «Temps».

⁴⁶ «Temps» от 13 марта 1871 г. («Semaine financière»).

⁴⁷ «Enquête parl. sur l'insurrection de 18 mars», стр. 176, показания Тьера.

⁴⁸ Favre I. Le Gouvernement de la Défense nationale, т. III, стр. 207—208.

После событий 18 марта Рулан в Версале, собрав вокруг себя отдельных регентов Банка (Малле, Ротшильда и других), делал все возможное для того, чтобы толкнуть Тьера к немедленному переходу в наступление против революционного Парика: «Он неоднократно беседовал и спорил с Тьером, которого хотел убедить в необходимости с небольшим количеством солдат вторгнуться в Париж, чтобы создать там центр сопротивления, вокруг которого смогли бы объединиться все честные люди»⁴⁹.

Мы говорили уже раньше о том печальном состоянии, в котором находились к началу марта 1871 года финансы Франции. К 6 марта, согласно цитированному уже нами докладу финансовой комиссии, должны были быть израсходованы остатки того 400-миллионного кредита, который был открыт государственному казначейству Банком в результате соглашения от 11 января 1871 г.

Между 6 и 18 марта правительству, правда, удалось выпросить у скуных воротил Французского банка еще 50 млн. фр. (13 марта). Весьма характерно однако, что только после 18 марта после захвата власти рабочим классом, регенты-банкиры особенно широко и охотно открывают Тьеру свои кредиты.

«Мы бедны, как церковные крысы»,—писал Рулану Тьер 23 марта, незадолго до начала военных действий против коммунаров.—Мы уже рылись во всех карманах, но смогли со брать только 10 миллионов, мне же необходимо иметь 200... Напшите вашим отделениям устраивайтесь, как хотите, но дайте мне денег и еще раз денег, без этого все погибло»⁵⁰

В ответ на этот крик отчаяния со стороны главы правительственной власти Банк немедленно начинает снабжать казначейство пухлыми деньгами: 31 марта последнему было отпущено 90 млн. фр., 15 апреля—75 млн., а 17 мая, почти накануне кровавой майской недели, — еще целых 150 млн.; всего таким образом 315 млн., т. е. значительно больше, чем испрашивал первоначально сам Тьер.

Одержанная буржуазией в мае над рабочим Парижем победа была вместе с тем и победой Французского банка, т. е. победой той кучки магнатов капитала, которая, как мы видели, была связана тесными узами с правительственной властью и по существу непосредственно определяла политическую линию и Тьера и всех его министров.

Мы указывали уже на то, как дорого обходился государству, а значит и трудящимся Франции кредит Французского банка: по договору от 11 января, мы помним, последний выторговал себе целых 60/0, согласившись пойти на уменьшение процентов до 3 только после окончания военных действий.

«Д ля Б а н к а с д е л к а б ы л а в е л и к о л е н н о й»,—пишет по этому поводу один из финансистов эпохи.—«Б а н к, э т о п а д о п р я м о с к а з а т ь, с у м е л и с п о л ь з о в а т ь о б щ е с т в е н н ы е б е д с т в и я д л я п о л у ч е н и я к р у п н ы х д о х о д о в»⁵¹.

На то, что акционеры Банка, во главе которого, по словам Тьера, находились «наиболее крупные финансисты нашего времени и наиболее просвещенные люди», стремились при прямой поддержке со стороны правительственной власти набить на народных бедствиях свои карманы, указывали еще в 1871 году с трибуны самого Национального собрания отдельные депутаты «левой». Они требовали пересмотра договоров о кредите и отмечали, что даже при 30/0 годовых чистая прибыль Банка от кредитных операций с казначейством должна превысить огромную сумму в 45 млн. фр.⁵²

«Знаете ли вы, что представляют эти 45 млн. фр., выплаченные в качестве дивиденда», восклицал например с трибуны Собрания депутат Жермэн, прямо обращаясь к защищавшему всеми силами банковские проценты Тьеру. «Это 270 фр. на одну акцию», «сумма в два раза более высокая, чем средний дивиденд последних лет»⁵³.

И действительно прибыль акционеров Банка в 1871 году, а также в последующие годы достигла левданных ранее размеров. Жермэн оказался прав, ему удалось совершенно точно пред-

⁴⁹ Д у - С а м р, *Les convulsions de Paris*, т. III, стр. 95.

⁵⁰ М а г и о н, ук. соч., т. V, стр. 511.

⁵¹ А м а г а т, *Les emprunts et les impots 1871*, стр. 129.

⁵² См. «*Annales*», т. I, стенограммы заседаний 7 марта 1871; т. II, 20 октября 1871 г.; т. III—15 марта 1872.

⁵³ «*Annales*», т. II, стр. 532.

сказать высокий уровень банковского дивиденда: в 1871 году акционеры Французского банка получили на каждую акцию как раз 270 франков, причем львиная доля этой суммы—200 фр.— была выдана именно во втором семестре в качестве определенного вещественного результата победы буржуазии над пролетариатом. И надо сказать, что в ближайшие годы дивиденды достигли еще больших размеров: в 1872 г. акционеры получили на акцию 320 фр. в 1873 г. даже 350 фр. ⁵⁴.

Эта высокая прибыль была наградой акционерам Банка за «патриотическое» поведение, за поддержку, оказанную буржуазному государству при подавлении рабочего восстания. «Eh bien, sous tous les rapports il faut remercier le ciel, et bien après le ciel, la Banque», говорил Тьер, настаивая в Национальном собрании на утверждении заключенных с Банком договоров. «Обслуживая интересы государства, Банк покрыл себя славой», подчеркивал Тьер, еще о нишний раз указывая на связь между высшим кредитным учреждением Франции и ее правительственной властью ⁵⁵.

Недаром маленький Тьер еще в 1848 г., как указывал Маркс в одной из своих статей в «Новой Рейпской газете», столь любовно заботился о «большом Французском банке». Налаженные еще в молодые годы связи не порывались, и старик Тьер с тем же молодым задором, что и раньше, готов был в 1871 году защищать «монополию и дивиденды» банкиров и готов был бороться против всех тех, кто пытался вырвать кредит из цепких рук ростовщиков-капиталистов.

«За аргументом г. Тьера скрывается Ротшильд» ⁵⁶ — подчеркивал Маркс в 1848 году, прямо указывая на зависимость политической линии Тьера от интересов и воли аристократии банков. Те же самые интересы и та же самая воля, полагаем мы, определяли и в 1871 году политическую деятельность правительства Тьера, взявшего на себя труднейшую задачу по восстановлению «спорядка» в революционном красном Париже.

Только разгром Коммуны, только победа над рабочими и трудящимися Парижа позволили кучке крупнейших капиталистов Франции успешно и полно реализовать свою экономическую программу и действительно взвалить «на плечи производителей богатства» тяжелое бремя расплаты за позорно проигранную буржуазной войну.

⁵⁴ Courtois, «Histoire de la Banque de France», P. 1881, стр. 361. В 50—60 годах XIX в. наивысший дивиденд, выданный акционерам, равнялся 272 фр. (1856 г.). Это был исключительно счастливый год, год Парижского договора. Вообще же дивиденды не превышали 200 фр., опускались временами до 90—120 фр. (годы 1858, 1859, 1867—1870).

⁵⁵ «Annales», т. II, стр. 538.

⁵⁶ Маркс, Речь Тьера о всеобщем ипотечном банке, Собр. соч., т. VI, стр. 475.

о Парижской коммуне - документы, исследования, мемуары, публицистика, пьесы, стихотворения, романы, живопись и графика, радиопередачи и фильмы
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

В частности, см. статью *О.Л.Вайнштейна*
«Парижская коммуна и Французский банк»
http://vive-liberta.narod.ru/journal/commune_wainschtein_1926.pdf